

© 1997 г.

О.А. ЛАПТЕВА

К ФОРМАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ УСТНО-РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА

I. Нормативность произносимой в разных ситуациях речи (и бытовой, и официальной, и частной, и публичной) наиболее очевидным образом определяется употребленной языковой формой. Форма присуща любой языковой единице – от фонемы до текста. Она создается звуковым обликом языковой единицы (в письменном виде обозначенным свойственными письменному тексту средствами) и выражает различительную способность языкового знака. Формальный облик языкового элемента или языковой структуры (предложения, словосочетания, слова, морфемы) вместе с его значением (функцией) и его парадигматическими и синтагматическими связями с другими элементами (структурами) парадигмы или речевой цепи служит маркером его принадлежности к литературному языку, просторечию или территориальному диалекту, а в пределах литературного языка – к кодифицированному или некодифицированному его типу.

В последние десятилетия наблюдается энергичное и экспансивное развитие функциональной лингвистики, которая представляет собой сложный конгломерат дисциплин разного рода, порой весьма отдаленных друг от друга (назовем семантику, прагматику, описание языковой картины мира, теорию коммуникации, теорию литературного языка в его функциональных разновидностях, теорию текста, функционально-семантические описания синтаксиса, а также результаты обобщения практики преподавания русского языка как иностранного). Лингвисты этих направлений часто исходят из некоей хотя и не во всех случаях прямо эксплицируемой, но достаточно определенной предпосылки, касающейся формального плана языка. Ее можно было бы обозначить как отнесение формальных исследований к уже пройденному лингвистикой и, в частности, русистикой, условно говоря, "поржезинско-фортунатовско-петерсоновскому" этапу развития сравнительно-исторической фонетики и грамматики индоевропейских языков (в том числе русского, вспомним упреки в формализме, раздававшиеся в 40–50-х гг. в адрес М.Н. Петерсона), который себя уже исчерпал. На смену ему неминуемо приходит функциональная лингвистика, которую и следует считать единственно современной и даже более того – лингвистикой будущего века (такая мысль в той или иной форме звучала на прошедших трех международных конференциях – "Грамматические уроки XX века", "Виноградовские чтения-95" и "Лингвистика на исходе XX века").

Но ведь изначально в любом методе описания языка значение формы – например, рода, числа, падежа – учитывалось всегда и обязательно. Собственно формального описания языка не существовало – оно всегда в соответствии с коммуникативным предназначением языка было нацелено на выявление значения языковой формы. В литературе последних лет на это уже обращалось внимание [Золотова 1988: 5; Зиндер, Касевич 1989: 29]. Не идет ли общая схема нынешнего развития лингвистической мысли вразрез с сущностными свойствами языковых единиц и языковой системы?

Формально-функциональное описание языковой системы любого уровня может по-

ниматься как нахождение формально-языковых оппозиций и позиций нейтрализации различительных признаков, участвующих в образовании оппозиций. Оппозиции различают некоторое значение (функцию) и могут быть привативными, эквиполентными и – реже – градуальными. Без них нет языковой системы (структуры). Поэтому принадлежность языкового элемента к тому или иному уровню – не только фонологическому – языковой системы не должна служить препятствием для его участия в образовании оппозиций (ср. [Бондарко 1996: 7] со ссылкой на Р. Якобсона).

Здесь мы хотели бы подвести некоторый итог более чем двадцатилетнему изучению русского разговорного синтаксиса, поставив перед собой цель взглянуть на него с точки зрения возможностей выявления основных линий оппозиционных соответствий и тем самым попытаться формализовать его описание (о языковых механизмах, действующих в нем, нам уже приходилось говорить [Лаптева 1980]).

Такое формально-функциональное описание могло бы означать: а) нахождение формальных признаков, лежащих в основе синтаксических оппозиций; упорядочение и классификацию этих признаков; в) построение системы оппозиций; г) выявление позиций нейтрализации; д) определение характера функции различительных признаков.

Такая постановка задачи затрагивает и вопрос о типах литературной нормы. Ее две основных разновидности (кодифицированная и некодифицированная) предполагают и дальнейшее внутреннее членение (первая – книжно-письменная и общелитературная, вторая – устно-литературная и устно-разговорная [Лаптева 1990]). Функция отнесения явления к тому или иному типу нормы может принадлежать различительному признаку (СРУНР I, II, III, 1985, 1994, 1995). Этот вопрос принципиально важен для культурно-речевых дисциплин, что первым заметил Д.Э. Розенталь.

II. Бинарное разграничение шести устно-разговорных синтаксических типизированных конструкций по принципу избыточности (с именительным темы, добавления, вопрос с дополнительной фазовой границей) или экономии формально-грамматических средств (бессоюзного подчинения, наложения, двупредикативные построения с *кто*; номенклатуру и описание см. [Лаптева 1976]) может быть уточнено введением формального признака расщепления в высказывании глагола (удвоение или усиление) и имени (удвоение), который является принадлежностью разговорного синтаксиса и противопоставлен отсутствию такого расщепления в кодифицированном синтаксисе¹. Это разграничение накладывается на первое и вместе с ним образует более сложную, однако и более четко и оппозиционно организованную систему. Расщепление свойственно не только конструкциям, построенным по принципу избыточности, но и некоторым конструкциям, построенным по принципу экономии.

В "количественном" отношении *расщепление глагола* оказывается сильнее расщепления имени: оно свойственно четырем конструкциям (бессоюзного подчинения, наложения, с *кто*, с дополнительной фазовой границей), тогда как расщепление имени – двум (с именительным темы и добавления). Однако картина сложнее, так как расщепление глагола проникает и в конструкции с именительным темы. Охватывает оно и описанные Л.А. Капанадзе глагольные номинации [Капанадзе 1973].

Кроме названных типизированных конструкций, оно охватывает более широкую область организации устно-речевого потока, членящегося на сегменты, которые стремятся включить в свой состав глагол. Глагольная экспансия простирается за пределы разговорной речи вплоть до письменной кодифицированной, и можно констатировать, что в устной литературной речи и изобразительно-описательных регистрах письменного литературного языка (но не в информативных – термины Г.А. Золотовой) широко распространено явление глагольного распространения выска-

¹ Существование "лекторского именительного" (термин А.М. Пешковского) не противоречит этому утверждению, поскольку эта конструкция восходит к устно-разговорному синтаксису.

звания (или – добавления уточняющей глагольной группы). Расщеплением глагола являются и описанные Н.Ю. Шведовой двойные глаголы [Шведова 1960], которые свойственны этим же сферам русского литературного языка.

Думается, что членение русского литературного языка на две бинарно противопоставленные зоны (устно-разговорная речь и книжно-письменная речь), разделенные промежуточной, переходной зоной сгущения общелитературных языковых средств (изобразительно-описательная художественная и газетная речь), во многом определяется тем, допускается ли в них глагольное расщепление.

Глагольность устно-разговорной речи замечена давно (в функциональной стилистике говорят о ее "глагольном строе") как ее отличие от письменной научной речи (которой свойствен "именной строй"). Весь вопрос в том, что указание на частотность глаголов в устно-разговорной речи ("много глаголов") нуждается в структурном анализе.

Наблюдаются различные возможности структуризации этого явления, прямо определяющие допущение или недопущение его в кодифицированное нормативное речевое употребление. Ступени глагольной структуризации можно расположить по линии нарастания устно-разговорной специфики и типизации формальных признаков конструкций. Таких ступеней условно мы насчитали девять. Первые четыре – принадлежность узуальной устно-разговорной (или, шире, устно-литературной) и одновременно кодифицированной литературной нормы. От пятой до девятой – принадлежность только первой, устно-разговорной, нормы и отчасти – устно-литературной, но не кодифицированной.

1. Насыщение глаголами коротких сегментов. В высказывании возникает дополнительный предикативный центр (центры), субъект которого может быть тем же, что и в первом центре, а может быть и другим. Возникающее при этом различие между простым и сложным предложением, принципиальное для кодифицированного типа литературного языка, для устно-разговорной речи оказывается несущественным.

А. Кодифицированная норма. Светлана Алексиевич в "Известиях" (3 авг. 95) приводит трагический рассказ женщины, передавая его письменными средствами: "Мне это нельзя вспоминать, плакать. Я ребеночка жду. Но я вам расскажу... Заходят днем в автобус с проверкой паспортов... Обычные люди, только с автоматами. Посмотрят документы и выталкивают из автобуса мужчин... И тут же, возле дверей... Стреляют... Даже не ведут их далеко... Я никогда бы сама не поверила. А я это видела... Видела, как вывели двух мужчин, один совсем молодой, красивый, он им что-то кричал. По-таджикски, по-русски... Он им кричал, что у него жена недавно родила, что у него трое маленьких детей дома. А они только смеялись, тоже молодые, совсем молодые. Обычные люди, только с автоматами. Он упал... Он им кроссовки целовал... Все молчали, весь автобус. Только отъехали: та-та-та..."

Б. Узуальная устно-литературная норма. *Я бы хотел здесь рассказать один вопрос /осветить/ остановиться на одном вопросе* (ТВ "Время" инт. с Б. Гидасповым); *Ну и теперь /если кто смотрел нашу передачу / сначала мы намеренно построили ее по-разному / вы заметили / что там был калейдоскоп лиц / а другая половина была по традиционному типу / мы пробовали разные стили / и надо выбрать что нам больше нравится / а главное что вам больше нравится звоните нам* (ТВ "Зеркало" ведущая). В подобных высказываниях представлены устно-литературные аналоги простого и сложного кодифицированного предложения.

Нетрудно заметить известные различия в А и Б, но это предмет отдельного разговора. Бывают и случаи полной нейтрализации (совпадения) обеих норм: *И бросили этот бульдозер на один год / это в 67-м году сделали / и набралась вода* (ТВ "Сельский час" рассказ директора конного завода – примеры ТВ из [Лаптева 1990]).

2. Глагольное распространение высказывания. Здесь ожидается окончание высказывания перед глагольным распространением, но оно не оправдывается.

А. К о д и ф и ц и р о в а н н а я н о р м а. «Две тысячи серий "Санта-Барбары" на той или иной стадии идут в 35 странах, кое-где он побывал в ранге "Мэйсона", но нигде не встречал такого безумного ритуального восторга, как в наших краях, разве что в Турции (ожидается точка, но высказывание продолжается – О.Л.) было нечто приближающееся по масштабам исступленного всенародного обожания.» (Изв. 8 авг. 95); "На полуострове всего около 10 общеизвестных секс-притонов, а также многочисленная сеть особо дорогих проституток (по экспертным оценкам, всего несколько десятков) (здесь ожидается точка – О.Л.) обслуживает многократно проверенную и постоянную клиентуру." (там же).

Б. У з у а л ь н а я у с т н о - л и т е р а т у р н а я н о р м а. *Таких комплексов у нас порядка двенадцати сейчас сооружается* (радиоинтервью. Последние два слова добавлены дополнительно); *Нам ещё нужно будет собраться может быть даже в более организованной форме мы соберемся* (на заседании оргкомитета. Последние два слова добавлены).

Различия между А и Б несущественны, возможно, здесь обе нормы нейтрализуются. И в А, и в Б в высказывании есть общий член нефиксированного синтаксического значения, относящийся одновременно и к основному предикату, и к глагольному распространителю.

3. Двойные глаголы. Они неоднократно описаны в литературе как разговорные явления в художественном тексте (Шведова 1960). Это случаи типа *сидит думает, ходит смотрит, отдыхает лежит, отвлекает ходит*, где структуризация налицо – у глаголов совпадают формы времени, наклонения, лица (или рода), числа, вида (обычно – несовершенного), один из глаголов имеет значение пребывания в состоянии, структура односубъектная. Таков тип А – к о д и ф и ц и р о в а н н а я н о р м а. Здесь она совпадает с общелитературной и потому свойственна и разговорной речи, где, кроме специфически разговорных, всегда много и общелитературных явлений. Если же названные признаки структуризации меняются (*прислонился стоит, задумался молчит*), тип А переходит в Б, возникает у з у а л ь н а я у с т н о - л и т е р а т у р н а я н о р м а.

Тип А очень широко употребляется в устной литературной речи. Разговорная речь: – *А где полотенце? – А оно сохнет висит; – Это вы зайдете в процедурный сделаете; Я все время ходила вот так вот держалась; Я помню мы как-то возвращались заочнели.* Телевизионная речь: *Вот мы в детстве сидели учились* ("Пятое колесо"); *У нас был урок пения. Ну мы, конечно, озоровали сидели* ("До 16 и старше"); *в то время как все наши ездили на фабрику, я сидела смотрела фильмы* ("Кинопанорама", говорит актриса); *Вот щас занимался наблюдал* здесь (телерепортаж из космоса). Разницы между разговорной и публичной речью здесь нет.

В типе Б глаголы, как и в типе А, могут быть расположены контактно, но из-за полного или частичного несовпадения названных признаков возникает близкая к отношениям подчинения разновременность действия: *Ну мы там в садике сели подумали / куда же мы пойдем устроимся в гостиницу* [Ширяев 1986: 129]; *Он придет расскажет о конференции* (там же); *Зинка, говорят, плачет приходит; вчера вся в спотела пришла; У меня была личная карточка, ну мне просто ее не вернули взяли.* Этот тип концентрируется в разговорной речи [Лаптева 1976: 287 и сл.].

4. Глагол в обеих частях бессоюзного предложения. Тип А этих конструкций детально описан в академических грамматиках русского языка и специально – Е.Н. Ширяевым [Ширяев 1986]. Как общелитературное явление он употребляется и в разговорной речи.

Охарактеризуем тип Б – у з у а л ь н у ю у с т н о - л и т е р а т у р н у ю н о р м у, концентрирующуюся в разговорной речи. Здесь есть разные структурные

возможности. В конструкциях типа – *Он спал ты пришел?*, – *Они тебе говорили они куда ездили?* [Лаптева 1976] проявляется структурная близость с явлением насыщения коротких сегментов глаголами (п. 1). Как и эти сегменты, части бессоюзного предложения могут быть и одно-, и разносубъектными, при этом присутствует значение подчинения одной части другой.

Е.Н. Ширяев описывает односубъектные структуры с вклиниванием одной части в другую [Ширяев 1986]: *Никуда я плохо себя чувствую не пойду; Он спать нагулялся вчера рано лег; Поеду работу кончу на юг куда-нибудь* (127–128). Здесь просматривается близость с типом Б двойных глаголов (п. 4). В разносубъектных структурах: *Я жара начинается на дачу уеду; В магазин песку надо сходи пожалуйста; Я у него английский начался помогаю немного* (там же). Конструкции же типа *Я слышал они опять вместе живут; Вы получили записочку / в пять мы собираемся* [Ширяев 1967] по характеру семантических отношений частей принадлежат к изъяснительному типу, а формально близки предложениям типа – *Он спал ты пришел?*

Несмотря на явную разговорную принадлежность всех этих конструкций, их все же можно считать относящимися к более широкой устно-литературной норме, потому что они довольно свободно употребляются в непринужденных рассказах гостей телевидения. Ср.: *Идем в четыре часа магазин закрыт* ("Прожектор перестройки"); *Прихожу туда сидит старший тренер Александр Петрович* ("Сельский час"); *Пришел на ипподром полно народу* ("Вокруг смеха" Юрий Никулин); Или на встрече с писателем Вяч. Кондратьевым: *Вы уйдете никто об этом знать не будет*. Однако в других устно-речевых регистрах (информативное повествование) эти конструкции не употребляются.

Итак, мы представили явление расщепления глагола (усиления глагольности) как принадлежность обеих норм – кодифицированной и устно-литературной. Можно констатировать довольно отчетливое выделение этих типов норм для всех четырех рассмотренных типов построений. Они структурно различны, хотя наблюдаются и случаи совпадения (нейтрализации) этих типов норм, что объясняется свободным употреблением конструкций в разговорной речи.

Перейдем теперь к тем структурам, которые являются специфической принадлежностью узуальной устно-литературной и устно-разговорной нормы и в кодифицированном типе литературного языка не встречаются.

5. Глагол в составе грамматического субъекта. Это явление описано в работе [Лаптева 1980]. Оно представлено конструкциями типа: *На искусствоведении заведует кафедрой я думаю самый способный человек нашего поколения т а к о й е с т ь К.; Ко мне все просился т а к о й е с т ь у н а с В о р о б ь е в; К вам вот тут придет е с т ь т а к о й П.*

Часто такая формула употребляется при перечислении: *Там были мои ровесники, одна женщина, е щ е о д н а т а к а я б ы л а Н и н а; Там был Миша, Люська и т а к о й е с т ь П е т р о в.*

Здесь уже можно увидеть четкие структурные признаки. Глагольный субъект включает в себя бытийный глагол и местоимение *такой*. От глагольного распространителя высказывания такой субъект отличить не всегда просто, ср.: *Там у папы есть карандаш и листок т а м л е ж и т.* С другой стороны, к нему примыкают бессоюзные предложения типа – *А где авоська з д е с ь л е ж а л а?* Нейтрализация этих оппозиций возникает при видоизменении названных структурных признаков.

6. Глагол в составе грамматического объекта. Здесь наблюдается две основных разновидности конструкций с четкими структурными признаками. Первая из них – переходная от 5 к 6.

А. Та же формально структура, что и в глаголе в составе субъекта, широко употребляется в составе объекта. При этом она одновременно остается и в составе субъекта и поэтому обладает сразу двумя грамматическими связями – со сказуемым

и управляющим глаголом, чего никогда не бывает в кодифицированной литературной грамматике. Это конструкции типа – *Поддай вон носки на стуле лежат* или – *Принеси "Новгородскую правду" на столе лежит*, которые формально (и даже лексически) совпадают с конструкцией – *А где авоська здесь лежала?* и при различии грамматических позиций выделенного в примерах члена объединяются общностью строения именного члена.

Формальное совпадение с конструкциями, включающими группу типа *такой* есть *Петров*, также возможно в позиции объекта, но без местоимения *такой*: *Есть у нас соответственно магнитофонные кабинеты будем монтировать*; *Я пошел в магазин и набрел в центре там чеканная мастертская есть*; *Я сейчас возьму там мармелад пластовой есть*.

Именная группа с глаголом одновременно в позиции субъекта и объекта может иметь и более свободное строение: *А пойдет она около нас школа преобразуется в немецкую и она в нее пойдет*; *Мы были / у нас секретаршей работает молоденькая девушка / и вот у нее подруга*.

Такие конструкции – специфическая принадлежность разговорной нормы. В публичной речи – телевизионной – они встречаются редко. Ср.: *Это конечно очень больша́я область изменений тут можно выявить* (на обсуждении); *Там есть факты явно инсценированные они снимают* (ТВ "Эта Америка"); *Добрый вечер, дорогие телезрители. Сегодня на нашем канале много разнообразной информации я получил* ("Подмосковье", вед. А. Львов). В отличие от 9 субъекты здесь разные.

Если пункт 5 можно обозначить моделью *Там был такой домик стоял*, то пункт 6 – *Там был такой домик построили* (примеры из разговорной речи).

Б. Глагол в именной группе может управлять именем в ее составе, а вся группа, в свою очередь, управляться основным глаголом-предикатом предложения: *Мы там смотрели корабль нам показывали*; *Уже здесь он получил ему присвоили докторскую степень*. Имя, таким образом, управляется сразу двумя глаголами, которые чаще располагаются справа и слева от него. Этого никогда не бывает в кодифицированной грамматике. В публичной речи таких примеров не отмечено. Модель конструкции: – *Там построили такой домик сделали*.

7. Глагол в номинации. Этот материал описан Л.А. Капанадзе [Капанадзе 1973: 438] и представлен случаями типа: *На чем они сдят мне не нравится*; *Поставь из чего пить*; *Принеси на что положить*; *Надо подшить на чем пленки гладить*. Сюда же можно отнести другую конструкцию с четкими структурными признаками – двупредикативную модель с *кто*: – *К столу подойдите кто записывается*; – *Все вернитесь кто убежал!*; – *Кто не взял билеты опускайте в кассу*; *У нас щас, к сожалению, ушла кто бы мог отнести* (см. [Земская 1973: 229–233]).

Структурные различия этих двух типов конструкций сочетаются с явными различиями нормативного плана: если первые – собственно глагольные номинации – специфическая и яркая принадлежность только разговорной нормы, то вторая – с *кто* – довольно свободно употребляется в публичных условиях говорения и в телевизионной речи: *И сейчас, кто более внимательно занимается этим вопросом, я поняла, что такой закон нужен* (на семинаре); *Кто не имеет собак дома сидит* ("600 секунд"); *Первая премия, кто еще не слышал, присуждена...* ("Время" диктор); *Благородная задача каждого моряка-полярника – оказать помощь кто окажется в беде* ("Время" интервью. Редкий для этой конструкции случай ее употребления в позиции объекта).

8. Второй глагол при управлении (и примыкании). Эти конструкции описаны в [Лаптева 1976]. Они похожи на 6Б. Разница в том, что здесь управляемый (или примыкающий) член обязательно располагается между глаголами – поэтому такие конструкции получили название конструкций наложения, – которые образуют два предикативных центра и потому равноправны, хотя есть и материальные совпадения с 6Б, то есть явление омонимии. Это конструкции типа – *Ладно, о т д а м т е б е пешку можешь забирать; А потом ее нашла под шкафом она в а л я л а с ь; – Пойдем спать тебя укладывать буду; Щ а с я прогребу три яблони мне осталось; – Ты возьми с собой что-нибудь поесть нужно приготовить обязательно; Сидела домара б о т а л а.*

Эти конструкции близки и к глагольному распространению, и к двойным глаголам, и к бессоюзным предложениям типа *Ты не видел носок здесь лежал* и вообще проявляют сильную склонность к омонимии с другими конструкциями. Все же у них есть собственный различительный признак – общий член двух предикативных центров обязательно располагается между ними – в середине высказывания. В 2 (особенно А) этот член – по сути квази-общий, т.к. перестает быть общим по завершении высказывания. Грамматические возможности конструкций п. 8 принципиально чужды кодифицированному типу литературного языка. Может быть, поэтому такие структуры никогда не употребляются писателями – даже теми, которые стремятся имитировать разговорную речь.

И тем не менее – парадокс! – эти структуры широко, без видимых ограничений вошли в публичный тип литературной речи. Можно считать, что, первоначально возникнув как принадлежность разговорной речи и ее нормы, они уже стали достоянием нормы устно-литературной. Материал весьма обширен [Лаптева 1990: 467–480]: *Б ы л о очень много вопросов за д а в а л о с ь* (на заседании); *у нас была дружная компания / и во дворе / и в школе любили заниматься спортом* ("Время" интервью); *Если даже говорить о Воробнеже Наталья Ивановна сказала* (на дирекции); *Ведь вы его оперировали во время финской войны было дело* (ТВ Моск. Новости интервью); *мы много подготовили кандидатов наук и стажеров у нас было много различных* (на собрании). Можно отметить еще большее усугубление глагольности этих конструкций, особенно в разговорной речи, если общим членом выступает инфинитив, ведь в высказывании тогда возникает сразу три глагола.

9. Второй глагол в составе самого глагольного предиката (расщепление предиката). Мы строили нашу классификацию по принципу нарастания специфически разговорной глагольности и потому отнесли эту ступень на последнее – девятое – место.

А. Схема этих конструкций – "сказуемое + подлежащее + сказуемое" (Р + S + Р), а модель можно выразить как *Там был такой домик стоял* – происходит омонимия с пунктом 5. Ср.: *У вас б ы л рулон такой л е ж а л около палатки; у нас б ы л о партийное собрание с о с т о я л о с ь; – А она была отличница в классе считалась?; там например в 1704 году б ы л а такая книжечка в ы ш л а.*

Обозначенная омонимия все-таки неполная: у конструкций с двуглагольным сказуемым обычно первый глагол – бытийный, второй – полнозначный, в то время как при вхождении глагола в состав субъекта глаголы расположены в обратном порядке, и в формулу входит местоимение *такой*. Субъекты в 6А могут быть разные, в 6Б они разные всегда, а в 9 субъект всегда один и тот же. Что касается двойных глаголов (3), на которые эти конструкции тоже похожи, то для типа 3А характерно контактное расположение глаголов, причем один из них – глагол нахождения в состоянии (не всегда), а для типа 3Б – тоже контактное расположение с одновременностью глаголов.

Б. Возможна и схема "сказуемое + дополнение + сказуемое" (Р + Ob + Р): *Ну и потом я туда же п р и в л е к л а Иванова с у н у л а в эту компанию; Еще я тут*

недавно читала Бажова перечитывала; и никто на тебя не кричит что ты не взял дорогой заказ не сделал; Можно сходить в Луговую съездить; они должны были пробить траншею вот такую прокопать не полениться (здесь глагольность еще более усилена третьим инфинитивом). Здесь оба глагола полнзначны, возможен и инфинитив. Модель по форме совпадает с 6Б (Там построили такой домик сделали), однако в 6 (глагол в позиции объекта) субъекты обоих глаголов разные, здесь же – один и тот же субъект. От двойных глаголов (3) эта схема отличается тем же, что и предыдущая, от 8 тем, что там односубъектность необязательна.

И опять – парадокс, как и в пункте 8. Несмотря на яркую специфичность и разговорность конструкции и ее формальную определенность, она широко употребляется не только в разговорной, но и в других типах публичной речи – телевизионной, производственной, тем самым выходя за пределы разговорной нормы и вступая в область более широкой нормы – устно-литературной. Тип А: А недавно с ним беседовали тов. Мурашевский и президент Никонов были у него (М.С. Горбачев); минута в минуту проводились все эти операции проигрывались в лаборатории (интервью с космонавтом); Ко мне приходили матери погибших в Афганистане обращались в редакцию (на партконференции); и отсюда идут так сказать и наши размышления в озникуют (телеинтервью); Когда пришлось забирать документы / в списке в села в общем-то такая бумажка была что происходит набор диспетчеров ("До 16 и старше" интервью).

Тип Б: Мы начинаем и скажем такой вариант и такую середину пытаемся найдет ("Кинопанорама", Марина Неелова); Я не понимаю, почему бригадир должен ехать на завод и выбирать панели буквально друг у друга вырывать? ("Время" интервью); Это значит, что мы можем и играть не только драматические произведения ставить на нашей сцене ("Взгляд", Вас. Ливанов).

Итак, здесь были сгруппированы конструкции с повышенной глагольностью (формальным усилением предикативности). На основании предложенного обзора охарактеризуем эту группу в целом в формально-функциональном и нормативном планах.

1. Группа имеет четкую структуру одновременно по двум линиям. Первая – нарастание от 1-й ступени к 9-й формально-структурной разговорной специфики и уход от возможностей кодифицированной нормы. Чем больше разговорная специфика, тем больше различительная сила дифференциального признака, образующего оппозицию "кодифицированность–разговорность". В этой группе формально-структурные дифференциальные признаки еще слабо противопоставлены признакам, узаконенным кодифицированной нормой. В типе Б первая группа ступеней еще сохраняет связь с кодифицированной нормой, а тип А полностью ей принадлежит. Вторая линия – это усиление глагольности (предикативности) высказывания. Структурные признаки конструкций достаточно четкие. Это:

однородность или разнородность грамматических признаков глагольного действия;

наличие или отсутствие бытийного глагола;

одновременность или разновременность глагольного действия;

наличие или отсутствие глагола пребывания в состоянии;

контактность или дистантность глаголов;

наличие или отсутствие в высказывании определенной синтаксической конструкции (например, перечисления);

наличие или отсутствие общего члена двух частей высказывания;

моно- или дву- (поли-)субъектность высказывания;

наличие или отсутствие синтаксической подчиненности одной глагольной части другой;

вхождение глагола в группу субъекта или объекта.

Возникающие по этим признакам оппозиции являются привативными или экви-

полентными, причем они формируются по некоторому числу признаков – от одного до *и*. Оппозиции по отношению друг к другу не находятся во взаимоисключающих отношениях – так же, как это происходит в фонологии (оппозиция по твердости–мягкости не исключает оппозицию по глухости–звонкости). Однако в отличие от фонологических оппозиций они образуются признаками, способными нести не одно, а более значений (в этом случае – грамматических), то есть по самой своей природе склонными к нейтрализации и омонимии. Сами признаки в условиях текстовой (речевой) последовательности могут сглаживаться, нейтрализовываться и совпадать. Поэтому основная эквиполентно-оппозиционная, подлинно бинарная линия в принципе организации разговорного высказывания проходит между способами *у с и л е н и я* (расщепления) *г л а г о л а* и *у с и л е н и я* (расщепления) и *м е н и* (см. III).

Группа разделяется на две части (1–4 и 5–9). В 1 и 2 второй глагол употребляется по принципу добавления его к основной части высказывания с первым глаголом. В 3–9 второй глагол входит в состав основных строевых элементов грамматической схемы предложения (высказывания). В переходных 3 и 4 еще есть кодифицированный тип А. Поэтому, имея в виду обе линии – нормативную и структурную, точнее было бы для первой выделять части 1–4 и 5–9, а для второй – 1–2 и 3–9.

2. Плавность шкалы нарастания признаков разговорности и усиления глагольности в выделенных ступенях обуславливает наличие пересечения и совпадения признаков в разных ступенях и отсюда – возникающую формальную омонимию (полную или частичную). Так, в ряде формальных воплощений $4 = 1, 2, 5$; $8 = 2Б, 3Б, 4А, 6Б$; $9 = 3, 5, 6Б, 8$. Это не означает, что ступени не различаются, потому что каждая имеет только ей свойственный признак (4 – разносубъектность, 3 – контактность глаголов, 8 – срединное расположение общего члена, 9 – односубъектность и др.). Омонимия же, которую можно рассматривать как случай (позицию) нейтрализации признаков разных ступеней, возникает не в типичных для них случаях, но при отступлении в их строении в сторону большей свободы устройства. Такие отступления характерны для речевой стихии.

С другой стороны, если говорить не о ступенях возрастания глагольности, а о типизированных синтаксических моделях разговорной речи, то в самой их природе уже принципиально заложена возможность омонимических совпадений [Лаптева 1976: 136, 348 и сл.; Ширяев 1986: 127], а в широко омонимичной модели наложения возникает и дополнительная омонимия, связанная с членением высказывания на синтаксические группы.

И тем не менее разговорной речи с ее автоматизмом в высшей степени свойственно стремление к формальной определенности и жесткости, которое мирно уживается с сильной омонимичностью (алогичность, противоречивость русского языка и тем более живой речи часто отмечается иностранными преподавателями русского языка).

3. Если обратиться к характеру нормативности ступеней, то здесь обнаруживается 3 типа явлений: 1) свойственные литературной норме в целом (кодифицированной и устно-литературной), т.е. норме общелитературной; 2) свойственные изначально устно-разговорной узуальной норме и из нее вошедшие в норму узуальную устно-литературную; 3) свойственные только устно-разговорной норме. В наших ступенях пункты 8 и 9 и конструкции с *кто* пункта 7 несмотря на яркую разговорную специфику, наличие четких структурных признаков и даже типизированность широко выходят за пределы собственно разговорной нормы, которая стремится к проникновению в публичную речь.

С позиций культурно-речевого аспекта рекомендованы к устному употреблению в публичном говорении могут быть 1 и 2 типы нормы, но не 3. Это значит, что рекомендуются пункты 1–4 А и Б, частично 7 (с *кто*), 8 и 9. Пункты типа А могут быть рекомендованы потому, что и в устно-разговорной, и в устно-литературной речи широко употребляются общелитературные конструкции, лишенные книжно-письменной специфики.

Думается, что такая система норм отражает членение русского литературного

языка на три зоны – специфические и взаимно противопоставленные области устно-разговорной и книжно-письменной речи и зону срединную, охватывающую публицистическую речь (частично), художественную речь и речь публичного устного говорения (на разные темы и в разных условиях).

III. Результат расщепления имени на два центра – это имя существительное (или местоимение) и его местоименный коррелят (или коррелят-существительное). Это явление подробно описано под названием "конструкции с именительным темы" и "конструкции добавления" [Лаптева 1976]. Можно обобщить это описание по линии выделения и взаимодействия различительных признаков этих конструкций. Признаки эти четкие, их оппозиции очень определенные. В отличие от конструкций, образующих ступени глагольности (II), конструкции с расщеплением имени не вступают в омонимические отношения между собой, но только – с некоторыми типами общелитературных конструкций (отношения неполной омонимии).

Поэтому при их представлении можно, отвлекаясь от текучей стихии устно-разговорного употребления, схематизировать материал путем представления вариаций исходной конструкции, которые и образуют основные возможные формальные типы. Реальный речевой материал мы предложим в тех случаях, когда нужно будет представить функционирование некоторых из этих типов в публичной речи. С разговорным же материалом, уже подробно описанным, для наглядности свойств модели мы поступим там же, как в разделе II с конструкцией *Там был такой домик стоял*.

Формальные типы при расщеплении имени существительного образуются варьированием следующих признаков:

1) Пространный состав группы именительного свойствен всем разговорным типам конструкций и отличает их от просторечного и не рекомендуемого нормой (и общелитературной, и устно-литературной) варианта *Пушкин он родился в 1799 году*. Характер же распространения группы именительного различает собственно разговорные и устно-литературные конструкции, то есть влияет на сферу распространения варианта (придаточное с *который* и причастный оборот в составе группы характеризует публичную речь).

2) Падеж местоименного коррелята и соответственно двусубъектность и односубъектность конструкции различает в выделяемых ниже 4-х основных типах попарно четные и нечетные – в четных косвенный падеж и двусубъектность, в нечетных – именительный и односубъектность.

3) Наличие или отсутствие бытийного глагола (или глагола состояния) в группе именительного различает типы 1 и 2 (без глагола) и типы 3 и 4 (с глаголом). Как видим, глагол охватывает и область доминирования признака именного расщепления. Принцип усиления глагольности оказывается более экспансивным и универсальным, чем принцип усиления имени. Появление глагола создает частичную омонимию с общелитературными сложносочиненными предложениями или соединением двух простых предложений (типа *В одном царстве, в одном государстве жил-был царь, он был добрый* или *В одном царстве, в одном государстве жил-был царь. Он был добрый*). Частичность омонимии определяется характером отношения двух частей высказывания: в общелитературном сложно-сочиненном предложении или соединении двух простых они обладают равноправной и равноценной предикативностью, а в конструкции с расщеплением имени-субъекта они являются частями единого высказывания и объединяются в его составе единой предикацией, выражающейся глаголом второй части высказывания и относящейся к обозначенному группой именительного субъекту. Бытийный же глагол первой части является актуализатором общей глагольности. Еще одним важным структурным различием общелитературной и разговорной конструкции является то, что такой глагол не может иметь распространителей – в отличие от первой части сложносочиненного предложения или первого предложения в последовательности из двух простых. Усиление формальной глагольности в группе именительного сопровождается ослаблением глагольной

семантики – обозначен лишь признак существования в настоящем или прошедшем (чаще) времени.

4) Интонационная завершенность группы именительного, аналогичная точке на письме, возможна при распространении группы именительного придаточного с *который*, что увеличивает протяженность группы во времени и усиливает вероятность появления ИК-I. Однако в этом случае даже не возникает омонимии с общелитературной конструкцией, это всего лишь усиление актуализации субъекта высказывания, и без того актуализированного расщеплением и пространным составом. Группа именительного, несмотря на наличие придаточного, не получает предикации без второй части высказывания. Этот признак различает две вариации в пределах типов 3 и 4.

Теперь дадим список самих конструкций.

1А. *Такой вот большой дом, он просто не уместится на рисунке.* Признак 1 – пространственность состава – создается актуализаторами *такой вот* и определением. Падеж местоименного коррелята именительный, конструкция односубъектна. Глагола в группе именительного нет (признаки 2 и 3). Конструкция принадлежит устно-разговорной речи и норме.

1Б. *Вот который ты хотела нарисовать такой большой дом, он просто не уместится на рисунке.* Пространность состава усилена придаточным с *который*. Оно размещено в группе именительного по принципу актуализатора – в ее начале и предшествует определяемому существительному *дом*. Признаки 2 и 3, как в 1А.

1В. *Вот такой большой дом, который ты хотела нарисовать, он просто не уместится на рисунке.* Размещение и роль придаточного соответствуют общелитературной норме, а расщепление имени – нет. Признаки 2 и 3 не варьируются. Конструкция принадлежит устно-разговорной норме и очень широко распространена вне ее, однако в пределах нормы устно-литературной. Примеры будут даны после списка.

1Г. *Вот такой большой дом, который ты хотела нарисовать. Он уместится на рисунке?* Распространение по типу Б и В, признаки 2 и 3 не варьируются. Вступает в действие признак 4 – интонационная завершенность группы именительного (в А, Б и В ему была противопоставлена интонационная незавершенность). Устно-разговорная речь и норма. Конструкции по преимуществу вопросительные, но возможен и невопросительный вариант (в данном случае глагол будет с отрицанием). Схема типа 1 (А, Б, В, Г) – S_1S_1P .

2А. *Такой вот большой дом, его просто не уместить на рисунке.* Здесь признаки 1, 3 и 4 полностью совпадают с типом 1, а признак 2 во всех четырех подтипах – А, Б, В и Г – другой: падеж местоименного коррелята косвенный, конструкция двусубъектна. Поэтому без комментариев приведем соответствующие модели:

2Б. *Вот который ты хотела нарисовать такой большой дом, его просто не уместить на рисунке.*

2В. *Вот такой большой дом, который ты хотела нарисовать, его просто не уместить на рисунке.*

2Г. *Вот такой большой дом, который ты хотела нарисовать. Его можно уместить на рисунке?*

Весь тип 2 принадлежит устно-разговорной норме, конструкция 2В употребляется и в публичной речи, но не столь широко, как 1В. Схема типа 2 (А, Б, В, Г) – S_1S_2P .

3А. *Такой вот большой был дом, он просто не уместился (= не уместился) на рисунке.* Модель повторяет признаки 1А, кроме признака 3, который противоположен типу 1 во всех четырех подтипах (А, Б, В, Г) – в составе группы именительного употреблен глагол. Остальные признаки совпадают с типом 1; поэтому типы 1 и 3 полностью соотносительны и принадлежат одной системе. Возникает важное следствие для разговорной тематики: различие между простым и сложно-сочиненным предложением здесь не актуально (ср. отмеченную в ч. II возможность нейтрализации простого и сложноподчиненного предложений).

3Б. *Вот который ты хотела нарисовать такой большой был дом, он просто не умещался на рисунке.*

3В. *Вот такой большой был дом, который ты хотела нарисовать, он просто не умещался на рисунке.*

3Г. *Вот такой большой был дом, который ты хотела нарисовать. Он (что, никак) не уместился (= не умещался) на рисунке?* (вопросительность может усиливаться актуализаторами).

Тип 3 целиком принадлежит устно-разговорной грамматике и норме. Схема: $S_1P_1S_1P_1$.

4А. *Такой вот большой был дом, его просто было не уместить на рисунке.* Первая часть высказывания – группа именительного – в типе 4 = типу 3, вторая – типу 2 (глагол во второй части нужен для выражения отнесенности действия к прошлому).

4Б. *Вот который ты хотела нарисовать такой большой был дом, его просто было не уместить на рисунке.*

4В. *Вот такой большой был дом, который ты хотела нарисовать, его просто было не уместить на рисунке.*

4Г. *Вот такой большой был дом, который ты хотела нарисовать. Его можно (было) уместить на рисунке?*

Тип 4 целиком принадлежит устно-разговорной грамматике и норме. Схема: $S_1P_1S_2P_2$. (Пусть не смущает в схемах обозначение S_2 при безличности, т.е. бессубъектности: для варьирования типов это не принципиально.)

Мы отметили то, что свойственно не только устно-разговорной, но и устно-литературной норме публичной речи. Материал обширен [Лаптева 1990: 439–459]. Вот характерные примеры: *Те документальные фильмы, которые были сняты в первые годы советской власти, которые показывали жизнь тех дней, они ни кому не показывались, так и лежали на полке* ("До и после полуночи" интервью) (1В); *Поэтому академический институт, создаваемый здесь по аграрно-промышленным проблемам, он как раз и должен...* ("Время", интервью академика) (это подтип 1В с причастным оборотом в составе группы именительного, которого нет в разговорной системе, он – принадлежность только публичной речи); *Интересно, что вот эти вот инклюзии, возраст их составляет несколько миллионов лет* ("Клуб кинопутешествий", Ю. Сенкевич) (2А); *Дело в том, что те муравьи, о которых он рассказал, у них вообще нет муравейника* ("Зеркало", докт. биол. наук) (2В). Другие типы и подтипы не употребляются в публичной речи или употребляются редко (ср. 1Г: *Вот у меня сестренка, она в 7-м классе учится. Она тоже собирается итти на ферму*). Но – очередной парадокс: по типам 1Г, 2Г, 3Г, 4Г стали сейчас строиться и широко распространяться (мода!) газетные, то есть кодифицированные нормой, вопросы интервьюеров.

Из этих возможностей в публичных типах литературной речи настолько широко употребляется 1В (с *который* или причастием, чаще с *который*), что его можно считать специальной принадлежностью этой речи, здесь он заметно вытесняет общелитературную норму без расщепления имени и используется намного чаще, чем в разговорной речи.

Завершая обзор устно-разговорной системы расщепления имени существительного, отметим, что, в отличие от системы расщепления глагола, формальной омонимии (позиций нейтрализации) здесь не возникает.

При расщеплении местоимения образуется система, намного более простая, чем при расщеплении имени. В разговорной речи выделяются всего два случая: с именительным падежом и косвенными падежами. В устной публичной – обычно только один: с именительным падежом и часто встречающейся отличительной особенностью, которую следует считать общелитературной: наличием при существительном указательного местоимения *этот* (ср. известный заголовок статьи Сергея Образцова: "Кому он нужен, этот Васька?"). Указательное местоимение может

употребляться и в разговорной речи, и здесь его следует считать также создающим общелитературную конструкцию (на основании ее употребления в письменных текстах в отличие от собственно разговорных).

Схема S + P + S (устно-литературная норма): – *А чем она лучше вермишели лапша?*; – *Они все промокли валенки*; – *Они все такие иголки* (разговорная речь); *Чем он силен хозрасчет* ("Время", корреспондент); *они довольно далеко зрители* (Алла Пугачева); *Впрочем, они совсем неплохие новые "Жигули"* ("600 секунд", ведущий); – *Тогда может быть снять вилку*. – *Но все-таки она должна быть вилка* (на обсуждении); *Вы убедитесь, что они совершенно разные задания* (на родительском собрании); *В общем-то они занимаются довольно упорно дети* (на совете). Примеры с *этот* не приводим. Их много.

Схема Ob + P + Ob (преимущественно устно-разговорная норма): *Там им будет гораздо спокойнее ребятам*; *Это ты ее угощал бабушку, да?*; *Нет, ну все-таки у них не чувствуется такого темперамента в игре у шведов* (запись Института русского языка АН. Все примеры – из разговорной речи); *я согласен, я писатель, я не ученый, я хочу, чтобы вы усложнили ее эту проблему* ("Пятое колесо"); *Вот тут я их выписал эти названия* (говорит К. Симонов). Без *этот* примеров в публичной речи почти нет).

Нетрудно заметить, что обе разновидности конструкции – обратное соответствие 1А и 2А конструкции с расщеплением существительного. Есть и разница – нет распространенного состава группы именительного, нет и самой группы; во второй разновидности оба члена имеют форму косвенного падежа, тогда как 2А имени существительного имеет в косвенном падеже только местоимение-коррелят.

Таким образом, противопоставление разновидностей осуществляется только по одному признаку – по форме падежа. Нейтрализации не возникают.

Подведем некоторые итоги. Наш по преимуществу формальный анализ (его функциональная сторона заключалась в основном в установлении сфер функционирования конструкций, распределения типов литературной нормы, а также в нахождении оппозиций и позиций нейтрализации) был нацелен на установление основных принципов организации устно-разговорных моделей и упорядочение в систему самих моделей. Поэтому здесь были охвачены только основные описанные в литературе типизированные построения, вступающие в оппозиционные отношения. Не учтены случаи нулевой глагольности (Ширяев 1973: 288–313), поскольку нулевое выражение предикативности есть частный случай ее формального выражения (то есть она все равно есть), не описывались ранее выявленные функции конструкций и грамматические отношения частей в их составе (явление актуализации, характер отношения частей в полипредикативном высказывании). Оказалось, что:

1. Признак экономии – избыточности языковых средств не обладает абсолютной различительной силой из-за своей недостаточной формальной определенности. На первый взгляд может показаться, что самый принцип расщепления глагола и имени означает формальную избыточность. Она действительно несомненна для всей системы типов расщепления имени, однако с оговоркой о ее функциональном значении (актуализация). Но о ней не приходится говорить применительно к сложному бессоюзному предложению, хотя мы сочли возможным рассматривать его в ряду конструкций с усиленной глагольностью. Что касается конструкций наложения (в другой терминологии – высказываний с интерференцией Ширяев 1973: 339–347), рассмотренных в нашем пункте II8, то они парадоксальным образом совмещают в себе оба признака – экономию и избыточность: общий член создает экономию, а вторая глагольная форма может считаться избыточной, если рассматривать ее как добавочную. Видимо, при квалификации этого явления следует четко разграничивать собственно формальный и функциональный аспекты.

2. Попытки применения формально-структурного метода рассмотрения конструкций

устно-разговорного синтаксиса (первая такая попытка с выделением сильных и слабых позиций и указанием на случаи нейтрализации различительного признака была сделана Е.Н. Ширяевым применительно к отдельному явлению [Ширяев 1973: 322]) показывает, что ранее выделенные модели охватываются двумя противоположными и противопоставленными признаками – расщеплением глагола и расщеплением имени, причем с этой точки зрения они могут быть разнесены по разным ступеням проявления признака. Само явление расщепления (усиления) объединяет эти противоположные признаки и указывает на общность системы устно-разговорного синтаксиса в целом. Внутри подсистем, выделяемых противопоставлением этих ведущих признаков, устанавливаются свои системные отношения и разграничения по дополнительным признакам. При этом экспансия глагола охватывает и область действия признака расщепления имени в случаях глагольной организации группы именительного. Обозначенная бинарность указывает на четкий характер системных отношений.

Примечательно, что основная оппозиция – расщепление имени или глагола – никогда не нейтрализуется. Подобное есть и в фонологии: редукции в безударных позициях подвержены лишь гласные неверхнего подъема, верхнего же – не редуцируются и нейтрализации этих двух типов не происходит.

Противопоставленность внутри глагольного и именного типов обнаруживает различный характер. В первом случае (раздел II) оппозиции носят в большей степени функциональный характер, обозначая области нормативных отношений. Во втором (раздел III) – в большей степени структурно-формальный.

В тексте, тем более устно-речевом, всегда возникает неограниченное множество условий для возникновения позиций нейтрализации признаков и создания формальной омонимии. Это не означает повышенной вариативности разговорных конструкций – сама форма обычно жесткая, с заданными признаками. Однако при ее реализации возникают добавочные признаки или незначительные отклонения от формы. Впрочем, и в фонологии – самой четкой, классической области оппозиционных свойств признаков и возникающих позиций их нейтрализации – в реальном тексте, в речи позиции нейтрализации возникают в случаях, системой не предусмотренных, и само явление оказывается намного шире предусмотренного системой.

В отличие от фонетических позиций, обуславливающих нейтрализацию признаков (два признака совпадают в одном), в синтаксических моделях нейтрализация идет по линии значения, а не формы: конструкции с разными признаками могут быть синонимичными, с одинаковыми признаками – омонимичными. Вот почему односубъектное простое и сложное предложение в такой системе нейтрализуются.

Эти возможности системы устно-разговорного синтаксиса проявляются на глубинных уровнях синтаксического значения, которое часто формально не дифференцировано. Явление описано [Лаптева 1976а; Земская 1973: 235, 383; Ширяев 1986].

3. Синтаксические модели могут различать не значение, а функциональную принадлежность модели к той или иной сфере литературного языка. Р а з л и ч и т е л ь - н а я с и л а з н а к а о к а з ы в а е т с я ш и р е е г о л и н г в и с т и ч е - с к о г о з н а ч е н и я. Употреблением, узусом систематизированных моделей определяется их принадлежность только к устно-разговорной и к более широкой устно-литературной норме. В этом отличие устной формы от письменной, кодифицированной, которая требует "признания авторитетами" и закреплённой узаконенности. При этом если явление не проявляет признаков (формальных и узуальных) принадлежности только к одному устному нормативному типу и употребительно в типах А и Б раздела II и в типах 1Б и 2В раздела III и в собственно разговорной, и в публичной речи, а порой попадает из них и в речь письменную кодифицированную, то перед нами – функциональная омонимия, где под функцией понимается не глубинное синтаксическое значение, а принадлежность к той или иной сфере функционирования литературного языка. Поэтому понятие позиции нейтрализации различительных признаков в области синтаксиса шире, чем в фонологии. Оно не ограничивается неразличением язы-

кового значения и переходит в функционально-узуальный план. Основные же принципы устройства языковой системы на разных уровнях едины.

Подобным же образом изоглосса в диалектологии, ограничивающая территорию распространения явления (знака), противопоставлена другой изоглоссе не по характеру значения, а по признаку принадлежности к той или иной территории. Изоглоссы могут нейтрализоваться в своем маркированном признаке при соотнесении их с литературным соответствием (ср. сев.-рус. *б'иедá* – ю.-рус. *б'адá* и лит. *б'и^едá*). Н.И. Толстой считал проблему междиалектных соответствий первостепенной [Толстой 1969: 10].

4. В живой речевой стихии, когда при продуцировании текста возникают разные и все новые возможности сочетания и соседства языковых элементов, сложившаяся на определенном этапе система оппозиций с течением времени под воздействием меняющегося узуса может расшатываться. Сначала появляется не известная прежде системе нейтрализация, неразличение дифференциальных признаков, а затем – утрата ими своей релевантности, маркированности. Старые оппозиции исчезают, новые появляются. Видимо, в этом заключается основной механизм языковых изменений (ср. [Мартине 1965: 458])².

5. Принцип культурно-речевых рекомендаций прост – если явление широко вошло в публичное употребление и при этом не противоречит системным и эстетическим свойствам языка, то есть не является ошибкой, его можно рекомендовать в качестве устно-нормативного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А.В. 1996 – Теория инвариантности Р.О. Якобсона и вопрос об общих значениях грамматических форм // ВЯ. 1996. № 4.
- Земская Е.А. 1973 – Наблюдения над синтагматикой разговорной речи // О некоторых специфических чертах порядка слов в разговорной речи // Русская разговорная речь. М., 1973.
- Зиндер Л.Р., Касевич В.Б. 1989 – Фонема и ее место в системе языка и речевой деятельности // ВЯ. 1989. № 6.
- Золотова Г.А. 1988 – Синтаксический словарь. М., 1988.
- Капанадзе Л.А. 1973 – Номинация // Русская разговорная речь. М., 1973.
- Лаптева О.А. 1976 – Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Лаптева О.А. 1976а – О влиянии функционального расслоения литературного языка на его грамматику // Синтаксис и стилистика. М., 1976.
- Лаптева О.А. 1980 – О грамматике устного высказывания // ВЯ. 1980. № 2.
- Лаптева О.А. 1990 – Живая русская речь с телеэкрана. Сегед, 1990.
- Мартине А. 1965 – Структурные вариации в языке // Новое в лингвистике. IV. М., 1965.
- СРУНР – 1985, 1994, 1995 – Современная русская устная научная речь. Т. I: Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985; Т. II: Синтаксические особенности. М., 1994; Т. III: Текстовые, лексико-грамматические, словообразовательные особенности. М., 1995 / Под ред. О.А. Лаптевой.
- Толстой Н.И. 1969 – Славянская географическая терминология. М., 1969.
- Шведова Н.Ю. 1960 – Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Ширяев Е.Н. 1973 – О некоторых показателях незамещенных синтаксических позиций в высказываниях разговорной речи; Специфические виды связи в высказываниях разговорной речи // Русская разговорная речь. М., 1973.
- Ширяев Е.Н. 1986 – Бессоюзное сложное предложение в русском языке. М., 1986.

² Касаясь вопроса о языковых изменениях, Н.И. Толстой считал, что механизм семантических преобразований имеет в своей основе и внутрилингвистические, и экстралингвистические процессы; при этом сначала меняется сема, компонент значения, а затем и само значение в целом [Толстой 1969: 20].